

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.84>

Тариева Лилия Увайсовна

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ГЕНДЕРНОГО ПРИЗНАКА В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается один из способов вербализации (языкового выражения) прототипического гендерного признака, разделяющего членов нахского общества по различным классам: мужчина vs. женщина. Прототипически первый гендерный признак, зафиксированный нахским мышлением, как оказалось, не связан с признаком биологического понимания пола. В языке отражаются гендерные признаки, представляющие свойства мужского и женского начал, которые первыми когнитивно маркируются речедееателем и начинают выступать в качестве социального норматива, по которому строится модель поведения в обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/84.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 395-399. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

HOMONYMY AS A MEANS TO CREATE AMPHIBOLY IN THE BRITISH AND GERMAN LINGUO-CULTURES

Sereda Polina Vital'evna, Ph. D. in Philology
Soboleva Elena Igorevna, Ph. D. in Philology
Kuban State Technological University, Krasnodar
polinapost@list.ru; wissenswert@mail.ru

The article considers the linguistic aspect of the comical in the English and German languages. The authors compare the peculiarities of verbalization of the comical in the appropriate linguo-cultures, analyse the mechanism to create amphiboly by means of homonymy. The analysis of empirical material including anecdotes, prosaic and poetic humorous statements has allowed the authors to reveal the national specificity of the English and German humour. The findings lead to the conclusion that differences in verbalization of the comical in the British and German linguo-cultures are the result of cultural and historical processes in the mentioned countries.

Key words and phrases: the comical; humour; sarcasm; homonymy; homophones; pun; amphiboly; linguo-culture; anecdote.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 18.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.84>

В статье рассматривается один из способов вербализации (языкового выражения) прототипического гендерного признака, разделяющего членов нахского общества по различным классам: мужчина vs. женщина. Прототипически первый гендерный признак, зафиксированный нахским мышлением, как оказалось, не связан с признаком биологического понимания пола. В языке отражаются гендерные признаки, представляющие свойства мужского и женского начал, которые первыми когнитивно маркируются речедееателем и начинают выступать в качестве социального норматива, по которому строится модель поведения в обществе.

Ключевые слова и фразы: гендер; маскулинность/фемининность; парадигма лица; лингвопрагматическая ситуация; антропоцентризм; эгоцентризм; лицо Произносящее.

Тариева Лилия Увайсовна, д. филол. н., доцент
Ингушский государственный университет, г. Магас
Tarieva00@mail.ru

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ГЕНДЕРНОГО ПРИЗНАКА В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Антропоцентрический подход, примененный к лингвоцентрическим знакам, во второй половине XX века вскрыл новые тенденции в исследовании языковых явлений, связанных с проблемой «человек в языке», «язык в человеке».

В языках различных стратегий наличествуют не только факторы, определяющие дифференциацию языковых единиц, используемых мужчинами и женщинами, но и языковые знаки, в семантике которых прототипически зафиксированы спектры гендерных характеристик.

Проблема интерпретации прототипических форм представления гендера мало изучена в контрастивной лингвистике и потому остается **актуальной** в синхронном языкознании. Под гендером понимается маскулинная и фемининная гетерогенность людей, которая исторически определяет их поведение в социальной среде.

Семантику гендерных признаков возможно анализировать посредством исследования единиц различных уровней структуры языка. Несмотря на то, что гендер не является языковедческой категорией, в начале прошлого столетия в работах зарубежных авторов Ф. Маутнера (1921), Э. Сепира (1929), О. Есперсена (1922) содержание гендера интерпретировалось в связи с исследованием языковых знаков различных уровней [8-10]. В эргативном языке к одним из таких знаков относятся клитики – классные показатели (инг., бацб., чеч., авар.: *в* ‘муж.’ и *й* ‘жен.’), объяснение которых, на наш взгляд, связано с компонентами парадигмы лица нахских языков, эгоцентрическими и лингвопрагматическими факторами, а также с когнитивной в *origo* ‘вначале’.

В статье ставится **цель** объяснения прототипического спектра гендерных признаков, лингвоцентрически отраженных. Основная **задача** видится в интерпретации языковых знаков (клитиков – классных показателей) нахского языка, за которыми на антропоцентрическом уровне закрепляется не биологическое понимание пола, а одна из релевантных функций лица (лицо Произносящее), мыслимая в качестве данной априори (постулированной).

Научная новизна проблемы заключается в необходимости углубленного и разностороннего представления каждого из компонентов парадигмы лица (в нашем случае – одного из речевых лиц), введенных в общую теорию языковой личности автором статьи [5, с. 166, 205, 218]. Эгоцентрическое лицо Произносящее не просто выполняет функцию прототипического наполнения предложения, одна из функций речевого лица непосредственно связана с гендером.

В статье используются контекстологический разбор, дефиниционный анализ гендерных признаков, сопоставительный метод представления языкового материала.

Грамматическая категория *генус* была объектом особого исследования еще в античные времена, уже тогда она толковалась в связи с биологическим пониманием пола, делившим людей на два начала. В синхронной лингвистике интерпретация языковых единиц, представляющих гендер, также увязывается с пониманием пола. Термин «гендер», понимаемый как «социальный пол», по сути антропоцентричен и кумулирует не только информацию о биологии пола, поэтому вполне логичен вопрос: какой из гендерных признаков прототипически первым отражается в языковых знаках (классных показателях в-й)?

Формирование спектра гендерных характеристик в терминах маскулинность/фемининность складывается в эргативных языках на основе осознания ряда постулированных и/или приобретенных дифференциальных признаков, присущих речедетелю. Хронологически более ранним в обосновании понятия «гендер», на наш взгляд, не обязательно должно быть когнитивное маркирование биологического понимания пола, хотя пол как антропоцентрическое явление и относится к постулатам.

В начале прошлого столетия и в наше время исследователи гендера обоснование признаков маскулинности/фемининности увязывают с историческими и социальными факторами [1; 9].

В эргативных языках, например в нахско-дагестанских, генерация языкового знака, прототипически зафиксировавшего ранний гендерный стереотип, связана не с биологическим пониманием пола, а с эгоцентрической функцией лица речедетеля [5, с. 167-168]. В отличие от номинативных языков, в эргативном ингушском языке понятие гендер, возникшее на основе выявления и осмысления постулированных признаков маскулинности/фемининности, оказалось связанным с компонентами парадигмы лица (лицо **Созерцающее**, распознающее лицо **Говорящее** и лицо **Слышащее**, узнающее лицо **Произносящее**). Из четырех лиц парадигмы непосредственное отношение к гендеру имеет только лицо Произносящее, релевантное в системе эргативных языков и индифферентное к номинативным языкам.

Интеракциональность лингвоцентрического знака (например, классные показатели в эргативных языках) и антропоцентрического фактора (например, лицо Произносящее нахских языков) указывает на конвенциональность гендера и на необходимость всестороннего, глубокого исследования прототипических форм его становления в языках различных стратегий.

Релевантных признаков, данных человеку априори (свойств постулированной семантики), отображенных в дефиниции гендера, исчислимо количество. Одним из таких существенных признаков, кумулированных в определении гендера, признается биологическое понимание пола, однако среди других гендерных признаков в нахском ингушском языке оно не первым осознается и отображается на различных уровнях его структуры.

Вопрос о том, какой из признаков маскулинности/фемининности, представленный языковым знаком на том или ином ярусе языка, в *origo* 'вначале' отразился в формировании понятия гендер, до сих пор остается открытым в грамматически неродственных языках.

Перед нами стоит задача выяснить, исходя из содержания и функции языковых единиц различных уровней, какой из гендерных признаков прототипически в первую очередь маркируется в сознании носителей нахского языка.

Эгоцентрическая сущность полифункционального лица Произносящего обнаруживается в условиях **акустического наполнения предложения**. По этой первой прототипической функции, лингвопрагматически зафиксированной, данное лицо и названо нами Произносящим [4, с. 97-99].

Если в номинативных языках синхронно обозначена только одна самая ранняя лингвопрагматическая установка (рус. *Я ЗДЕСЬ СЕЙЧАС*), в которой зафиксирован Говорящий, то в эргативных языках в *origo* 'вначале' их две:

- (1) *Со в а хIанз*. / 'Я мужчина в пространстве теперь'.
- (2) *Укх аз а хIанз*. / 'Тут еще я в пространстве теперь'.

Первая из них фиксирует лицо говорящее, морфологически представленное номинативной формой имени (*со* 'я'). Вторая экспонирует лицо Произносящее, грамматически выраженное эргативной формой имени (*аз* 'я'), обнаруживающееся, но не моделирующееся в центре второй лингвопрагматической ситуации.

Интерес с точки зрения лингвоцентрического представления гендерной дистрибуции представляет первая из установок, бинарная по своей природе, фиксирующая лицо говорящее, маркированное клитиками (**в** и **й**):

- (3) *Со в а хIанз*. / 'Я **мужчина** в пространстве теперь' vs.
- (4) *Со й а хIанз*. / 'Я **женщина** в пространстве теперь'.

Первая лингвопрагматическая установка, в отличие от второй, названа нами классической. Статус классической ей придает, как нам представляется, лицо Говорящее, располагающееся в центре речевой ситуации, общее как для номинативных, так и для эргативных языков. В пределах первой бинарной речевой ситуации находим лицо Говорящее (*со* 'я'), размещенное в пространстве (**а** 'в пространстве') и времени (*хIанз* 'сейчас'), равно как и в прагматической ситуации номинативных языков (например, рус. *я здесь сейчас*), достаточно хорошо описанной Дж. Лайонзем [2]. В эргативном языке классическая лингвопрагматическая ситуация содержит «лишний» таксон (**в** 'мужчина', **й** 'женщина'), экспонирующий **прототипический спектр характеристик гендера**. Остается выяснить, имеет ли он отношение к биологическому пониманию пола.

В структуре современного нахского языка на морфологическом уровне обнаруживаются языковые знаки-клитки, аналитически маркирующие не только личные местоимения первого лица, но и имена существительные (инг. *да в* 'отец муж.', *нана й* 'мать жен.') по признаку маскулинность/фемининность. Если в структуре лексического значения слов (*да* 'отец' и *нана* 'мать') уже содержится информация об их гендерной разнородности, то к чему клитики – родовые обозначители (**в** 'муж.' и **й** 'жен.')?

Проблема заключается в том, что языковое сознание носителя эргативного языка исторически в первую очередь маркирует эгоцентрическую функцию лица. Это означает, что осознание ингушском-нахом своей

антропоцентрической сущности начинается с лица, а не с пола, что отражается, прежде всего, в системе личных местоимений и в классных показателях (в, й) ингушского языка, генерируемых на основе функции лица Произносящего.

В центре классической лингвопрагматической ситуации (пример 3) располагается говорящий (лицо говорящее), на морфосинтаксическом уровне структуры языка представленный личным местоимением первого лица единственного числа в номинативной форме имени (*со* 'я'), как и в русском языке, но в эргативных языках оно не является единственным. Сравните конструкции:

- (5) *Со (NOM) йист хул.* / 'Я изрекаю' (то есть обладаю способностью единожды изречь).
- (6) *Со (NOM) лув.* / 'Я говорю' (то есть обладаю способностью артикулировать).
- (7) *Аз (ERG) оал.* / 'Я произношу' (то есть обладаю способностью произнести).
- (8) *Аз (ERG) дуви.* / 'Я рассказываю' (то есть обладаю способностью озвучено говорить).
- (9) *Сона (AFF) су, со (NOM) лув.* / 'Я вижу, что я говорю' (то есть вижу, что я артикулирую).
- (10) *Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал.* / 'Я слышу, что я произношу' (то есть слышу озвученную речь).

Из примеров следует, что эргативный нахский язык обладает тремя личными местоимениями первого лица единственного числа (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'). В чеченском их два, согласно точке зрения А. И. Халидова [6, с. 18]. За каждым из личных местоимений первого лица ед.ч. ингушского нахского языка на семантическом уровне вскрывается различная эгоцентрическая функция лица, то есть каждое из трех первых лиц обладает своим лексическим значением [4, с. 98-99].

Пятая и шестая иллюстрации представляют лицо Говорящее, выступающее в качестве лексического значения номинативной формы имени (*со* (NOM) 'я'), а на глубинном понятийном уровне представляющее *кхета саг* 'homo sapiens', то есть человека разумного. Седьмое и восьмое предложения экспонируют многофункциональное лицо Произносящее, на морфологическом уровне выраженное эргативной формой имени (*аз* (ERG) 'я'), а на глубинном – обозначающее антропоцентрика *сахета саг* 'homo spiritus', то есть человека духа. Девятый и десятый примеры содержат аффективное лицо, морфосинтаксически обозначенное аффективной формой имени, на понятийном уровне экспонирующее *хоалу саг* 'homo sentiens', то есть человека чувствующего. В местоименной системе (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') нахского языка представлены три антропоцентрика, один из которых обнаруживает спектр гендерных характеристик. Феноменальным следует признать тот факт, что личные местоимения первого лица единственного числа нахского ингушского языка не просто демонстрируют лексическое значение: семантически оно равно полноправному предложению (ср.: *со* 'я' = «лицо и говорит» с *аз* 'я' = «лицо и произносит»).

Только местоимение в номинативной форме имени (*со* 'я' – лицо Говорящее, с которым антропоцентрически совмещается лицо Произносящее) валентно (примеры 3-4) классным показателям (*со в* 'я мужчина по произношению' и *со й* 'я женщина по произношению'), связанным с обозначением прототипического гендерного признака. Сочетаемость лица Говорящего как компонента парадигмы лица ингушского языка с клитиками (*в*, *й*) указывает на тот факт, что лицо речедеятеля обладает эгоцентрическим гендерным признаком (*в* 'маскулинное произношение' и *й* 'фемининное произношение').

Истолкование понятия 'гендер' в трудах различных ученых в качестве интегрирующего механизма верифицируется на материале ингушского нахского языка тем, что соотносится с эгоцентрическими функциями лица, интеракциональными по отношению друг к другу и не только. Как гендерный признак лица для нас важна функция лица Произносящего, считываемая лицом Слышащим. Лицо Произносящее не просто акустически наполняет **речение**, производимое лицом Говорящим, в момент произнесения выясняется, что акустика лица (пример 7-8), представленного в лингвопрагматической установке (пример 2), гетерогенная: маскулинная и фемининная, что и фиксируется когнитивно сознанием носителя ингушского нахского языка как «другость». В структуре языка «другость» отражается на раннем этапе классными показателями (*в*, *й*), указывая на их семантическую (гендерную) неоднозначность.

В эргативном языке свойство гендерности прототипически проявилось при запуске механизма лица – произнесения, отраженного в языковом знаке: личном местоимении первого лица единственного числа в эргативной форме имени, лексическим значением которого и является эгоцентричное лицо Произносящее, в отличие от говорения. Говорение есть артикуляционное свойство лица речедеятеля, одинаково свойственное как мужчине, так и женщине, индифферентно к гендеру. Лицо Говорящее (артикулирующее) оказалось способным дифференцировать членов общества (*в* 'мужчина' и *й* 'женщина') на два вида. Артикуляция лица вне гендерных отношений в любом языке (номинативном и эргативном).

В эргативных языках произношение или акустическое наполнение речения – это тот значимый речевой признак лица, который совмещается с говорением (то есть с артикуляцией) и этим оказывается настолько релевантным, что речемыслительно фиксируется в прототипической классической лингвопрагматической установке ингушского языка как постулат, дифференцирующий общество на два класса (сравните: рус. *я здесь сейчас* и инг. *со в а хланз* / 'я мужчина в пространстве теперь' vs. *со й а хланз* / 'я женщина в пространстве теперь').

Интерпретация Н. Л. Пушкаревой гендера в качестве фундаментального компонента социальных отношений как устойчивого явления, отражающегося в культуре [3] этноса, состоятельна, на наш взгляд, благодаря когнитивному маркированию нахом в первую очередь постулированных гендерных признаков. Одним из таких постулатов и является эгоцентрическая функция лица Произносящего, на уровне коммуникации занимающего позицию субъекта-подлежащего. В эргативном ингушском языке категория «субъект» прототипически возникает исключительно на основе запуска механизма четырех эгоцентрических функций лица (лица **Созерцающего**, различающего лицо **Говорящее** vs. лицу **Слышащему**, обладающему чувствительностью на лицо **Произносящее**). Четыре эгоцентрика парадигмы лица ингушского языка **грамматически**

представляют три субъекта (номинативного, эргативного, аффективного) в позиции подлежащего (примеры 5-10). Два из них – речевые (Говорящее и Произносящее), одно из аффективных лиц – лицо Слышащее – имеет непосредственное отношение к гендеру.

Лицо Произносящее как эгоцентрик по сути полифункционально, оно участвует не только в обосновании субъектных отношений в языке, но и в экспонации прототипического гендерного признака (*в* ‘маскулинное произношение’ vs. *й* ‘фемининное произношение’), делящего нахское (ингушское) общество на два. Неоднозначное произношение членов прототипического общества, отражающееся в структуре современного языка энклитиками (*в* vs. *й*), дает нам основание утверждать, что гендер – это конвенциональный конструкт, связанный с различными ярусами языка и неоднозначными измерениями (лингвопрагматическим, антропоцентрическим, эгоцентрическим, когнитивным), а также с понятийной категорией постулированности/приобретенности, базовой для эргативных нахских языков [5, с. 193].

По отдельным параметрам, свойствам различия между мужчинами и женщинами могут перевешивать сходства, и в то же время их объединяют и общие черты. Функция речевого лица Говорящего, например, обнаруживающая понятийную категорию *кхета саг* ‘человека разумного’, относится к интегрирующему свойству лица: маскулинность и фемининность не различаются артикуляционно, то есть по речению, распознаваемому аффективным лицом Созерцающим. Различие связано с лицом Произносящим, распознаваемым другим аффективным эгоцентриком – лицом Слышащим. Полифункциональное лицо Произносящее на глубинном понятийном уровне вскрывает антропоцентрика *сакхета саг* ‘человека-духа’.

Э. Гоффман считает, что биологический пол является началом деления общества на две части, за каждой из которых закрепляются разные нормы, обуславливающие модели поведения в процессе социализации человека, зависимость от гендера этнокультуры [7, р. 70-75]. Согласно гендеру нахской (ингушской) этнокультуры эгоцентрическая функция лица Произносящего является тем прототипическим признаком, который исторически до биологического понимания пола **положил начало** дифференциации ингушского общества на два класса: *в* ‘маскулинное’ и *й* ‘фемининное’, запуская гетерогенную модель поведения в процессе социализации речедеятеля, прототипически отраженного в языке в местоименной системе (*со* ‘я’, *аз* ‘я’, *сона* ‘я’).

Спектр характеристик: маскулинное и фемининное произношение, – вскрыл в нахском языке первый, исходный набор различительных признаков между мужчинами и женщинами, изначально расколов гендер на два полюса в одной бинарной прагматической установке (пример 3-4), в которой двое осмыслили собственную «дружость».

Спектр первых различительных характеристик (*в* ‘мужской голос’ vs. *й* ‘женский голос’), запускающих механизм генерации гендера (маскулинности и фемининности) в ингушском языке, квалифицируется носителями нахского мышления в качестве константы, данной им до опыта.

Гендерные свойства постулированной семантики (*в* ‘мужское произнесение’ vs. *й* ‘женское произнесение’) антропоцентричны и настолько устойчивы, что образуют в языке единицы с фундаментальными интенсиями, в нашем случае – запускается механизм кумуляции гендерных признаков.

Спектр прототипических характеристик гендера, дифференцирующих ингушское общество на мужчин и женщин на основе гетерогенной произносительной функции лица, вербализуется посредством клитик – классных показателей (*в* ‘мужское озвученное речение’ и *й* ‘женское озвученное речение’). Только на базе устойчивых постулированных свойств антропоцентрика могут возникнуть элементы изменчивости (*агендер*, например).

Понятийная категория постулированности/приобретенности как базовая для эргативных языков включает речевые функции лица как данные ему априори. Антропоцентрические *речение* и *произнесение* вскрываются в лингвопрагматической установке (примеры 1-4), а не моделируются речедеятелем в ней эвиденциально, потому и мыслятся ингушом-нахом постулированными.

Языковые единицы – классные показатели (*в* ‘маскулинное произношение’ vs. *й* ‘фемининное произношение’), положившие начало экспонации в языке гендерного признака, открывают парадигму грамматических знаков с семантикой постулированности, наряду с местоимениями первого лица единственного числа, также квалифицируемыми единицами с постулированной семантикой.

В процессе развития языка компоненты (*в а* ‘мужчина в пространстве’ и *й а* ‘женщина в пространстве’) первой бинарной лингвопрагматической ситуации (примеры 3-4) посредством деривационного процесса: слияния двух слов (букв. *в* ‘мужчина по произношению’ и *а* ‘в пространстве’), – трансформировали в **глагол бытия** *ва* ‘есть муж.’ с той же семантикой (совр. инг. яз. *ва* ‘есть муж.’, *йа* ‘есть жен.’). В чеченском языке глагол бытия (совр. чеч. *ву* ‘есть муж.’ и *йю* ‘есть жен.’) образовался в результате слияния: *в* ‘мужчина’ плюс *у* ‘тут’; в бацбийском языке глагол бытия *ва* с семантикой ‘есть мужчина’ сложился так же, как и в ингушском языке.

Таким образом, понятие “gender” в ингушском языке прототипически связано с запуском механизма эгоцентрической функции лица Произносящего, совмещающегося с речевой функцией лица Говорящего в прототипической лингвопрагматической ситуации (примеры 1-2).

В условиях совмещения двух речевых лиц – Говорящего и Произносящего (примеры 5-8) – и происходит осмысление собственной «дружости», фиксирующее речемыслительно спектр гендерных характеристик (*в* ‘маскулинное произношение’ и *й* ‘фемининное произношение’), расколовшее ингушское общество на два класса (*в*, *й*).

Два речевых лица на глубинном (понятийном) уровне представляют двух антропоцентриков: *кхета саг* ‘homo sapiens’, то есть человека разумного, и *сакхета саг* ‘homo spiritus’, то есть человека-духа, в лингвопрагматической установке (примеры 1-2). Объединение двух антропоцентриков в речевом акте обуславливает категоризацию эгоцентрических функций лица: говорения, произнесения, созерцания, слышания, –

в компоненты парадигмы лица (речевые: Говорящее (*со* 'я'), Произносящее (*аз* 'я') и аффективные: Созерцающее (*сона* 'я'), Слышащее). На грамматическом уровне лица представляют личные местоимения со статусом первого лица единственного числа (*со* 'я' vs. *аз* 'я' vs. *сона* 'я'), одно из которых – эргативное демонстрирует произносительную функцию лица, гетерогенную по сути (пример 7-8).

Грамматически первый спектр характеристик гендера связан с языковыми знаками-клитиками, синхронно употребляющимися в значении грамматической категории класса (исторически в значении: инг. *в* 'мужчина по произнесению', *й* 'женщина по произнесению'), а не рода. Род как грамматическое явление возникает в нахском ингушском языке в условиях запуска механизма категоризации другого антропоцентрического признака (пола), отражающегося в структуре нахского слова синтетически (инг. *вол* 'сын', *йол* 'дочь', *воша* 'брат', *йиша* 'сестра'), а не аналитически, то же самое происходит с классными показателями в других нахских и дагестанских языках (инг. *вол в* 'сын, мужчина по произношению', *йол й* 'дочь, женщина по произношению', *воша в* 'брат, мужчина по произношению', *йиша й* 'сестра, женщина по произношению'). Классные показатели (*в*, *й*) всегда присутствуют в ингушских именах, несущих в себе прототипический гендер (с семантикой: *в* 'мужчина по произношению', *й* 'женщина по произношению'), воспринимаемый нахским мышлением в качестве данных априори.

Таким образом, прототипически спектр гендерных характеристик: фемининное произношение vs. маскулинное произношение, – лингвоцентрически представлен в грамматике ингушского нахского языка классными показателями (*в* и *й*). Языковые знаки на глубинном антропоцентрическом уровне обозначают два различных «аудиокадра», эвиденциально закрепленных в континууме эргативного мышления в качестве релевантных, способных разделить общество на два класса (мужское и женское). Различное произнесение как онтогенетическое свойство лица речедеятеля способствует формированию неоднозначной модели поведения мужчин и женщин в процессе социализации человека. Лицо Произносящее, экспонируемое эргативным падежом имени (*аз* 'я'), – это тот речевой компонент парадигмы лица, который как постулат соединяется с другим речевым лицом парадигмы, представленным личным местоимением первого лица единственного числа (*со* 'я').

Общим интегрирующим признаком личных местоимений первого лица нахского языка (инг. *со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') и классных показателей (*в*, *й*) является их отнесенность к категориям, данным до опыта.

Понятийная категория постулированности/приобретенности, заключенная в прототипических знаках различных уровней структуры ингушского языка, указывает на вскрытие лица Произносящего как неотчуждаемого свойства антропоцентрика *кхета саг* 'homo sapiens'.

Использованные сокращения

авар. – аварский
бацб. – бацбийский
инг. – ингушский
чеч. – чеченский

Список источников

1. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 155 с.
2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. яз.; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
3. Пушкарёва Н. Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31-40.
4. Тариева Л. У. Размещение лица Произносящего во второй эргативной лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 3. С. 96-100.
5. Тариева Л. У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: ООО «КЕП», 2017. 376 с.
6. Халидов А. И. Главные члены предложения в чеченском языке // Вестник Института проблем образования Министерства образования и науки Чеченской Республики. 2004. Вып. 2. С. 17-23.
7. Goffman E. Gender display // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1976. № 3. P. 69-77.
8. Jespersen O. Language: Its Nature, Development and Origin. L.: George Allen & Unwin, Ltd., 1922. 448 p.
9. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache: in 3 Bänden. 3. Auflage. Stuttgart – Berlin, 1921. Bd. 1. 713 S.
10. Sapir E. Male and female forms of speech in Yana // Donum natalicium schrignen / ed. by St. W. J. Teeuwen. Nijmegen – Utrecht, 1929. P. 79-85.

VERBAL REPRESENTATION OF PROTOTYPICAL GENDER FEATURE IN THE NAKH LANGUAGE

Tarieva Liliya Uvaisovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ingush State University, Magas
Tarieva00@mail.ru

The article examines one of the means of verbalization (linguistic expression) of the prototypical gender feature dividing the Nakh community members into categories: a man vs. a woman. It turned out that the first gender feature fixed in the Nakh mentality is not prototypically associated with biological understanding of gender. Language describes gender features, which represent the qualities of male and female fundamentals. They serve as clear cognitive markers for a speech agent and become a social norm, on which a behavioural model is based.

Key words and phrases: gender; masculinity/femininity; person paradigm; linguo-pragmatic situation; anthropocentric; egocentric; Pronouncing person.